
РУССКАЯ КЛАССИКА В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Н.О. Булгакова¹

Томский политехнический университет

РОМАН Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ» ВО ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДАХ: К ВОПРОСУ О ПОЛНОТЕ ПЕРЕДАЧИ КОНЦЕПТА «БЕСОВСТВО»

Статья посвящена изучению особенностей вербализации концепта «бесовство» в словах персонажей во французских переводах романа Ф.М. Достоевского «Бесы». В результате анализа выбранных фрагментов в четырёх переводах произведения были рассмотрены особенности работы переводчиков над воспроизведением базовых лексем-репрезентантов концепта на французский язык, выявлены трансформации, использованные переводчиками и повлиявшие на искажение ключевых признаков концепта. Оценивается степень актуализации концепта «бесовство» в переводах романа, устанавливаются причины, осложнившие этот процесс и, как следствие, затруднившие понимание особенностей содержания произведения французскими читателями.

Ключевые слова: Достоевский, «Бесы», концепт, художественный перевод, французский язык, диалог культур, русская литература.

¹ Наталья Олеговна Булгакова, аспирант Отделения русского языка Школы базовой инженерной подготовки Томского политехнического университета (Томск)

N.O. Bulgakova
Tomsk Polytechnic University

**DOSTOEVSKY'S NOVEL "DEMONS" IN THE FRENCH
TRANSLATIONS: ON COMPLETENESS OF THE CONCEPT
DEVILDOM TRANSFER**

The article is dedicated to the analysis of verbalizing the concept "devildom" in the characters' words in the French translations of F.M. Dostoevsky's novel 'Demons'. The analysis of the fragments from four chosen translations was conducted. As a result, the particularities of the translators' work on the main lexical units-representatives of the concept actualization were studied, their transformations resulted in the distortion of the concept key features were revealed. The author assesses the actualization of the "devildom" concept in the French translations of the novel, determinates the reasons that complicated this process and the understanding of the book content by French readers.

Keywords: Dostoevsky, 'Demons', concept, literary translation, the French language, dialogue of cultures, Russian Literature.

Отечественные и зарубежные филологи неоднократно указывали на актуальность изучения переводов романов Ф. М. Достоевского на иностранные языки. В 1972 г. Ж.Л. Бакес защитил диссертацию «Достоевский во Франции (1880-1930)», в которой он поставил вопрос о качестве перевода произведений романиста на французский язык [Backès, 1972, с. 152]. Исследователь указал на особенности и неточности работы переводчиков, обращавшихся к произведениям Достоевского и роману «Бесы» в частности. Вслед за ним к изучению отдельных аспектов переводов произведений писателя обращались как французские [Kurt, 2002, Poulin, 2011], так и отечественные исследователи [Костикова, 2001, Власов, 2014]. Эти работы свидетельствуют об актуальности комплексного исследования переводов творческого наследия русского романиста и в частности романа «Бесы» на французский язык.

В настоящее время известно шесть французских переводов романа «Бесы», опубликованных во Франции. Впервые познакомил французских читателей с этим произведением Виктор Дерели в 1886 г., в 1925 г. новый перевод предложил Жан Шюзевиль, в 1932 г. – Борис Шлёцер. В 1952 г. французский вариант романа

опубликовала Элизабет Гертик, в 1960 г. – Яша Звизагора, а в 1995 г. появился последний на сегодняшний день перевод этой книги, выполненный Андре Марковичем. Кроме того, известны отдельные переводы главы «У Тихона», созданные Борисом Шлёцером (1922), Ильёй Гальпериным-Каминским (1922) и Владимиром Львовичем Бинштоком (1923). В основе настоящего исследования лежат переводы, выполненные В. Дерели, Б. Шлёцером, Э. Гертик и А. Марковичем. Этот выбор обусловлен особой ролью, которую каждый перевод сыграл в истории рецепции произведения во французской культуре. Так, перевод Дерели стал первым и, как следствие, во многом определившим характер восприятия «Бесов» французскими читателями. Переводы Шлёцера и Гертик имеют большое количество переизданий, что свидетельствует об их особой роли в рецепции романа «Бесы» во Франции. Перевод Марковича [Маркович, 1996] интересен билингвизмом автора, новаторским подходом и признанием его экспериментального характера, выразившимся его преобладанием на полках современных французских книжных магазинах.

В основе используемой нами методологии изучения переводов лежит выявление художественного концепта как основополагающей единицы литературного текста, ярко проявляющейся на всех уровнях его поэтики: сюжетно-композиционном, пространственно-временном, образном. В изучаемом романе таковым является концепт «бесовство». Благодаря его последовательной актуализации в тексте раскрывается взгляд Достоевского на нравственный кризис, охвативший современное российское общество, понимание его причин и возможных путей разрешения.

Небезынтересно, что французские специалисты обращали внимание на специфику «бесовства» как ключевого понятия в романе «Бесы». Так, Ж.-Л. Бакес предлагает искать при анализе поэтики этого произведения «не абстрактную доктрину о дьяволе («diable»)), а проявление его существования и деятельности в мире [Bakès, 1964, с. 300]. Рассматривая образ беса в романе, исследователь указывает на его сопряжённость с такими грехами героев, как стремление к власти и болезненное соединение удовольствия и страдания, которые появляются, когда русский человек теряет веру в Христа [Bakès,

1964, сс. 302-304, 306-307]. Французский писатель, руководивший проектом создания нового перевода Библии, выпущенного в 2001 г., Фредерик Бойер предлагает воспринимать бесноватого в произведениях Достоевского как личность, потерявшую чувство вины и способность к состраданию, не способную вынести жестокость окружающего мира [Boyer, 1993, с. 122]. Рассуждая о явлении бесовства, он характеризует Ставрогина одновременно как жертву и виновного, причиняющего зло и от зла страдающего [Boyer, 1993, с. 123]. Эти рассуждения исследователей подтверждают наличие во французской культуре интереса к концепту «бесовство» как к сложному явлению и потребность понять его природу. Возможно, такой интерес обусловлен отсутствием данного концепта во французском языке, что осложняет как работу переводчиков, так и восприятие культурного фона и аксиологических смыслов романа франкоязычными читателями. Возможно, уже сама постановка проблемы такими авторитетными специалистами свидетельствует о пристальном внимании к проблеме, обозначенной концептом, не имеющим эквивалента в рамках французской культуры. Правомерность такой гипотезы подтверждает сложная история переводов ядерной лексики, именующей концепт, вынесенной в название произведения.¹

Посредством выявления фрагментов произведения, в которых вербализация концепта «бесовство» осуществляется с помощью ядерных лексем, составляющих его номинативное поле (*бес* (появляется в тексте 20 раз), *демон* (4 раза), *чёрт* (1 раз), их дериваты *бесёнок* (3), *бесноватый* (1), *беситься* (1), *бесноваться* (1), *беснующийся* (1), *взбесившийся* (3)), установлено, что наиболее репрезентативно он проявляется в речи персонажей. Таких отрывков в романе насчитывается четырнадцать. В них раскрываются как

¹ О проблеме перевода главного репрезентанта концепта «бесовство» на французский язык см.: Булгакова Н.О. «Рецепция романа Ф.М. Достоевского «Бесы» во французской культуре: о переводе названия произведения» // Достоевский и современность. Материалы XXXI Международных Старорусских чтений 2016 года / отв. Редактор С.Л. Шараков / Новгородский музей-заповедник. – Великий Новгород, 2017. С. 21-31.

традиционные для русской картины мира признаки (*болезнь, грязь, отвращение, страх, сумасшествие, смех или насмешка, гордость, смерть, неверие*), так и новые, выделенные Достоевским в процессе работы над романом (*внезапность, отношение к вере, логика, ничтожность, уныние*). При этом в тексте присутствуют всего три отрывка, в которых концепт вербализуется в речи хроникёра. Такое пропорциональное соотношение фрагментов, в свою очередь, можно рассматривать как черту полифонического романа Достоевского, для которого характерно активное взаимодействие различных сознаний, позиций героев [Бахтин, 1963, с. 24]. Они находятся в экспозиции, завязке, а также во фрагменте, предвещающем кульминацию. В этих отрывках актуализируются такие признаки как *болезнь, гордость и ярость*. В настоящей статье мы обратимся к последовательному рассмотрению переводов двух фрагментов, которые располагаются в разных композиционных частях книги: в завязке и кульминации. Они в разной степени раскрывают морально-нравственный кризис, охвативший современное общество. В начале развития романной интриги читатель получает возможность увидеть, как бесовство – социальная болезнь – захлещивает общество. Однако причины этого явления становятся ясны лишь в финале романа. Среди фрагментов, в которых концепт «бесовство» актуализируется в словах участника романских событий, репрезентативен внутренний монолог капитана Лебядкина в главе «Ночь (продолжение)» второй части романа. В ней темп развития событий начинает заметно увеличиваться: все герои, собравшиеся в городе, совершают поступки, которые приведут к катастрофе. Это, в свою очередь, влияет на характер актуализации концепта. Его ядерные репрезентанты раскрывают взгляд персонажей на хаос, охватывающий город. Так, Лебядкин, ощущающий угрозу жизни со стороны группы под руководством Петра Верховенского, выражает свои опасения с помощью лаконичной реплики:¹

¹ Здесь и далее в примерах под буквой «А» представлен оригинальный текст, под буквой «В» – перевод Дерели, под буквой «С» – перевод Шлёцера, под буквой «D» – перевод Гертик, под буквой «Е» – перевод Марковича.

А. Ой, жутко, ой, жутко; нет, вот тут так жутко! И дернуло меня сболтнуть Липутину. **Черт** знает что затевают эти **черти**, никогда не мог разобрать [Достоевский, 1974, Т. X, с. 214].

В. Дерели: Oh ! voilà ce qu'il y a de terrible ! Et pourquoi ai-je fait des confidences à Lipoutine ? **Le diable** sait ce que (O! Вот, что ужасно / страшно! И почему я доверился / открылся Липутину? **Черт / дьявол / бес знает**, что) [Dostoevskij, 1886, Т. I, с. 452].

С. Шлёцер: J'ai peur... Dieu que j'ai peur ! Imbécile que j'étais de parler à Lipoutine. **Le diable** sait ce que préparent **ces démons**. Je n'y ai jamais rien compris (Я боюсь... Боже, как я боюсь! Глупый/дурак, что говорил с Липутиным. **Черт / дьявол / бес знает**, что готовят эти **демоны / бесы**. Я в этом никогда ничего не понимал) [Dostoïevski, 2016, с. 406].

Д. Гертик: Oh, là c'est effrayant, oh, c'est effrayant ; non, ça c'est vraiment effrayant ! Quel besoin ai-je eu de bavarder devant Lipoutine. Le diable sait ce qu'ils projettent **ces démons**, je n'ai jamais rien pu y démêler (O, это, это страшно, о, это страшно, нет, это действительно страшно! Какую нужду я имел болтать перед Липутиным. **Черт / дьявол / бес знает**, что они задумывают, эти **бесы/демоны**, я никогда ничего не могу в этом разобрать) [Dostoïevski, 2014, с. 341-342].

Е. Аie, **l'horreur, aïe, l'horreur**; non, là, c'est vraiment **l'horreur !** Et quelle mouche m'a piqué de rencontrer à Lipoutine. **Le diable** sait ce qu'ils mijotent, tous **ces diables**, jamais je n'aurai pu les comprendre (Ой, ужас, ой, ужас, нет, вот, это действительно ужас! И какая муха меня укусила рассказать Липутину. **Чёрт / дьявол / бес знает**, что они потихоньку подготавливают (разг.), эти **черти / дьяволы / бесы**, никогда я не мог их понять) [Dostoïevski, 1995, Ч. II, с. 113].

В представленном фрагменте для обозначения революционеров автор использует слово «черти», которое принадлежит ядру номинативного поля концепта «бесовство». Речь идёт о «мелких бесах» – участниках заговорщической группы Петра Верховенского, пугающих людей и устраивающих беспорядки. Поэтому писатель использует лексему с пренебрежительным уничижительным значением. В начале предложения со словом «черти» используется выражение «чёрт знает что», которое акцентирует внимание читателя на словесном репрезентанте концепта «бесовство». Кроме того, эта лексема в сочетании с

репликой «никогда не мог разобрать» позволяет писателю указать на назревание трагедии, к которой приведёт деятельность Верховенского.

Первый перевод романа В. Дерели был создан в эпоху, для которой характерна адаптация произведений иностранной литературы к нормам французской письменной речи. Переводчики часто изменяли стиль произведения, убирали и добавляли компоненты текста, полагая, что это улучшит его качество [Backès, 1972, с. 146]. Так, Дерели опустил главный репрезентант концепта «бесовство» «черти». Вероятно, он посчитал повтор этого слова, следующий за устойчивым во французском языке сочетанием «*le diable sait ce que*» («чёрт знает что») стилистическим недостатком, потому предпочёл убрать его, а следом и всю связанную с ним часть предложения («затевают эти черти»), где Липутин предвидит скорую страшную развязку, тем самым разрушив аксиологическое содержание фрагмента. Шлёцер и Гертик, выполнившие свои переводы в переходный для французской переводческой школы период, в отличие от Дерели передали лексему «черти» – с помощью слова «*démon*», сохранив при этом и первую конструкцию. Однако во французском языке отсутствует полный эквивалент лексемы «черт», аксиологическое содержание и сниженная коннотация которого бы соответствовали русскому существительному. Это слово традиционно принято переводить с помощью лексемы «*diable*» [Щерба, 1936, с. 716]. Поэтому для французского читателя принципиальное различие в коннотативных оттенках, существующее в русском языке между словами «бес» и «чёрт», осталось недоступным. Кроме этого, в данных переводах нивелируется повторение слова «чёрт», что также, вероятно, объясняется желанием переводчиков избежать лексической повторы. Отличным от решения предшественников является метод Марковича. Он стремится сохранить этот повтор, поэтому дважды использует слово «*diable*» (чёрт, дьявол, бес). Для передачи глагола «затевать», принадлежащего разговорному регистру, Шлёцер и Гертик выбирают нейтральные слова «*préparer*» (готовить) и «*projeter*» (задумывать), в то время как Маркович использует стилистически более яркое слово

«mijoter», основное значение которого «томить, готовить на медленном огне»).

Важно обратить внимание и на то, как переводчики передают ближайший контекст фразы: Лебядкин выражает высшую степень страха перед «ячейкой» путём двукратного повторения междометия «ой» и трёхкратного повторения наречия «жутко». Это способствует созданию особого синтаксического рисунка, который также обеспечивает вербализацию концепта «бесовство» и актуализирует его признак *страх*. Сожаление капитана о том, что он проговорился Липутину о тайной организации, получило вербальное оформление с помощью разговорного оборота «и дёрнуло меня сболтнуть», который также косвенно указывает на ожидание негативных последствий от случившегося. Дерели не только опускает все лексические повторы, но и заменяет конструкцию «и дёрнуло меня» на соответствующее всем нормам французского языка начало предложения с инверсией подлежащего (Et pourquoi ai-je fait des confidences / И почему я доверился / открылся). Предложенный им французский вариант оригинала мог бы стилистически принадлежать благовоспитанной девушке из высшего света, а не пьянице. Похожий подход к переводу этого фрагмента использует и Шлёцер. Он также отказывается от передачи всех междометий и сохраняет лишь один повтор – «j'ai peur» (я боюсь). Однако конструкция «Dieu que j'ai peur» (Боже / господи, как я боюсь) не соответствует стилю исходной фразы, а лексема «dieu» и вовсе разрушает актуализацию концепта «бесовство» в представленном фрагменте. Гертик и Маркович сохраняют повторы. Кроме того, в отличие от других переводчиков, Маркович передал сочетание «и дёрнуло меня» разговорной фразой «quelle mouche m'a piqué» (какая муха меня укусила), используя образ, отличный от оригинального, чтобы подчеркнуть языковой регистр. Гертик для перевода слова «взболтнуть» выбрала лексему «bavarder» – «болтать», которая, в отличие от глагола «parler», имеет значение напрасного, бесцельного разговора, свойственное и слову в оригинальном тексте. Примечательно и то, что Дерели и Шлёцер разделили первое предложение на отдельные фразы и, таким образом, нивелировали эффект ощущения нарастания жуткой обстановки в городе.

Таким образом, воспроизвести концепт «бесовство» в представленном фрагменте наиболее полно удалось А. Марковичу. В его французском варианте романа благодаря вниманию переводчика к синтаксису и стилистике русского текста переданы такие признаки концепта, как *страх*, *запутанность*. Трансформации, использованные в других переводах, в большей (Дерели) или меньше (Шлёцер, Гертик) степени способствуют смягчению мрачного предчувствия Лебядкиным надвигающейся катастрофы.

Другим ярким фрагментом, в котором концепт «бесовство» актуализируется с помощью лексемы «бес», является кульминация романа – монолог Степана Трофимовича о захлестнувшем Россию бесовстве. Эта речь раскрывает взаимосвязь эпиграфа романа с его содержанием, проливает свет на причины социальной и нравственной болезни, охватившей Россию: неверие, оторванность современного поколения от народа, неприятие им традиционных духовных ценностей:

А. Эти **бесы**, выходящие из *большого* и входящие в *свиней*, – это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века! Oui, cette Russie, que j'aimais toujours. Но великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти **бесы**, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будут проситься войти в *свиней*. Да и вошли уже, может быть! Это мы, мы и те, и Петруша... et les autres avec lui, и я, может быть, первый, во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам дорога, потому что нас только на это ведь и хватит [Достоевский, 1974, Т. X, с. 499].

В. Ces **démons** qui sortent du *malade* et qui entrent dans des *cochons* – ce sont tous les poisons, tous les miasmes, toutes les impuretés, tous les **diabes** accumulés depuis des siècles dans notre grande et chère *malade*, dans notre Russie ! Oui, cette Russie, que j'aimais toujours. Mais sur elle, comme sur ce **démoniaque** insensé, veille d'en haut une grande pensée, une grande volonté qui expulsera tous ces **démons**, toutes ces impuretés, toute cette *corruption* suppurant à la surface... et eux-mêmes demanderont à entrer dans des *cochons*. Que dis-je ! peut-être y sont-ils déjà entrés ! C'est nous, nous et eux, et Pétroucha... et les autres avec lui, et moi peut-être le premier : affolés,

furieux, nous nous précipiterons du rocher dans la mer, nous nous noierons tous, et ce sera bien fait, car nous ne méritons que cela (Эти демоны / бесы, которые выходят из больного и которые входят в свиней – это всё яды / отравы, всё миазмы, всё нечистоты, всё черти / дьяволы / бесы, накопившиеся за века в нашей большой и дорогой, больной, в нашей России! Oui, cette Russie, que j'aimais toujours. Но за ней, как за этим одержимым/бесноватым безумным, смотрит / наблюдает с высоты великая мысль, великая воля, которая изгонит всех этих демонов / бесов, все эти нечистоты, все это гниение/испорченность, гноящаяся (-иеся) на поверхности... и они сами попросят войти в этих свиней. Что я говорю! Может быть, туда они уже вошли! Это мы, мы, и они, и Петруша... et les autres avec lui, и я, может-быть первый: обезумевшие, яростные / неистовые / разъярённые / бешеные, мы бросимся/устремимся со скалы в море, мы утонем все, и это будет сделано хорошо / правильно, потому что мы заслуживаем только этого) [Dostoievskij, 1886, Т. II, с. 733-734].

C. Ces démons qui sortent du malade pour entrer dans les pourceaux, ce sont toutes les plaies, tous les miasmes, toutes les saletés, tous les démons petits et grands, qui se sont accumulés au cours des siècles dans notre chère et grande malade, dans notre Russie ! Oui, cette Russie que j'aimais toujours. Mais une pensée sublime, une volonté sublime descendront sur elle d'en haut, comme sur ce démoniaque. Et elle se débarrassera de toutes les impuretés, de toutes les pourritures, qui demanderont elles-mêmes à entrer dans les pourceaux. Elles y sont déjà entrées peut-être. C'est nous, nous et ceux-là, c'est Pétroucha... et les autres avec lui, et moi peut-être le premier, moi en tête. Nous nous précipiterons comme des fous furieux du haut du rocher dans la mer, et nous périrons tous. Tant mieux, car nous sommes bons qu'à cela (Эти демоны / бесы, которые выходят из больного, чтобы войти в свиней, это всё раны, всё миазмы, всё грязь, мерзость, всё маленькие и большие бесы / демоны, которые накопились в течение веков в нашей дорогой и великой больной, в нашей России! Oui, cette Russie que j'aimais toujours. Но возвышенная/величественная мысль, возвышенная / величественная воля спустятся на неё с высоты, как на этого одержимого / бесноватого / безумного. И она изгавится от всех нечистотот, от всех гниений, которые попросят сами войти в свиней. Они туда уже вошли, может быть. Это мы, мы и те, это Петруша... et les autres avec lui, и я, может быть, первый, я во главе. Мы бросимся/устремимся как сумасшедшие яростные / неистовые / разъярённые / бешеные с высоты скалы в море, и мы погибнем/утонем все [Dostoievski, 2016, с. 928-929].

D. Ces démons qui sortent d'un malade et entrent dans des porcs, ce sont toutes les plaies, tous les miasmes, toute l'impureté, tous les grands et petits démons qui se sont accumulés, pendant des siècles et des siècles, dans notre grande et chère malade, dans notre Russie ! Oui cette Russie, que j'aimais toujours (курсив переводчика – Н.Б.). Mais une grande idée et une grande volonté l'éclaireront d'en haut comme ce possédé du démon, et tous ces démons en sortiront, toute l'impureté, toute cette turpitude qui suppure à la surface... et ils demanderont eux-mêmes à entrer dans des porcs. D'ailleurs peut-être y sont-ils déjà entrés; peut-être ! C'est nous, nous, et eux, et Petroucha... et les autres avec lui (курсив переводчика – Н.Б.), et moi peut-être le premier, et nous nous précipiterons, déments et enragés, du haut du rocher dans la mer et nous nous noierons tous, et ce sera bien fait pour nous parce que nous ne sommes bons qu'à cela («Эти демоны / бесы, которые выходят из большого и входят в свиней, это всё язвы, всё миазмы, вся нечистота, все большие и маленькие демоны / бесы, которые накопились за века и века, в нашей большой и дорогой больной, в нашей России! Oui cette Russie, que j'aimais toujours (курсив переводчика – Н.Б.). Но великая идея и великая воля её осветят/озарят сверху как этого одержимого демоном / бесом, и все демоны / бесы из него выйдут, вся нечистота, вся эта мерзость / гнусность, которая гниёт на поверхности... и они попросят сами войти в свиней. Впрочем, может быть, туда они уже вошли, может быть! Это мы, мы, и они, и Петруша... et les autres avec lui (курсив переводчика – Н.Б.), и я, может быть, первый, и мы бросимся / устремимся, помешанные / душевнобольные / сумасшедшие и бешеные / взбесившиеся, с высоты скалы в море и мы утонем все, и это будет сделано хорошо / правильно для нас, потому что мы хороши лишь для этого») [Dostoïevski, 2014, с. 833].

E. Ces démons qui sortent du malade et entrent dans les cochons, ce sont *tous* nos ulcères, *tous* nos miasmes, *toutes* les immondices, *tous ces démons*, *tous ces démonillons* qui se sont accumulés dans le corps de notre malade grandiose et bien-aimée, dans notre Russie, *depuis les siècles, des siècles ! Oui, cette Russie, que j'aimais toujours** (курсив переводчика – Н.Б.). Mais une *grande* pensée, une *grande* volonté l'empliront de très haut, comme ce fameux fou démoniaque, et ils ressortiront, *tous ces démons*, *toutes* ces immondices, *toute* cette saleté qui a pourri à sa surface... oui, c'est d'eux-mêmes qu'ils demanderont à entrer dans les cochons. Et ils ont déjà entrés, peut-être bien ! C'est *nous, nous et eux*, et Pétroucha... *et les autres avec lui** (курсив переводчика – Н.Б.), et moi, *peut-être, le premier, devant nous*, et nous nous jetterons, pris de folie, possédés, du haut d'un rocher dans la mer, et

nous nous noier ons tous, voilà tout ce que nous méritons, c'est cela, et nous ne pouvons rien faire d'autre (Эти демоны / бесы, которые выходят из больного и входят в свиней, это *все* наши язвы, *все* наши миазмы, *все* грязь/нечистоты, *все* эти демоны / бесы, *все* эти демонята / бесенята, которые накопились в теле нашей грандиозной/величественной и горячолюбимой больной, в нашей России, *за века, века! Oui, cette Russie, que j'aimais toujours** (курсив переводчика – Н.Б.). Но великая мысль, великая воля заполнят/наполнят её с очень высока, как этого известного одержимого / бесноватого / безумного, и они снова выйдут, *все* эти демоны / бесы, *вся* эта грязь/нечистоты, *вся* эта грязь, которая сгнила на поверхности... да, самих себя они попросят войти в свиней. И они уже вошли, может быть, действительно! Это *мы, мы и они*, и Петруша... *et les autres avec lui** (курсив переводчика – Н.Б.), и, *может быть, первый, перед нами*, и мы бросимся, охваченные сумасшествием, одержимые, в море, и мы утонем все, вот всё, чего мы заслуживаемы, да / верно / именно так, и мы не можем ничего сделать другого) [Dostoïevski, 1995, Ч. 3, с. 337-338].

По сравнению с другими отрывками романа этот фрагмент максимально насыщен ядерными репрезентантами с корнем «бес», принадлежащими номинативному полю концепта «бесовство». Степан Трофимович трижды повторяет слово «бесы», а также произносит три производных от него слова: «бесенята», «бесноватые», «взбесившиеся». Столь высокая концентрация главных репрезентантов этого концепта в одной реплике Верховенского-старшего позволяет автору подчеркнуть значимость открытия героя о бесовстве как о масштабном разрушительном явлении, а их разнообразие – изобразить широкое распространение различных типов бесов, наводнивших Россию.

В монологе Верховенского-старшего такие признаки концепта «бесовство», как *болезнь, грязь, сумасшествие, смерть*, до этого постепенно раскрывавшиеся в динамике сюжета, актуализируют ключевые аксиологические смыслы романа на рефлексивном уровне. В этом фрагменте проблема и источники бесовства раскрываются по мере размышлений героя и постепенного осознания им масштаба этого явления. Его сущность раскрывается не хроникёром или другим героем, уже обладающим знанием, а носителем порока, который начинает понимать истинные причины бесовства лишь в настоящий момент, вместе с читателем. Переводчики по-разному

отнесли к задаче передать эти значимые для вербализации концепта признаки. Дерели не сохраняет повтор слова «бес» полностью, дважды переводя его как «*démons*» (демоны / бесы), и один раз – «*diables*» [Булгакова, 2017]. Это свидетельствует о том, что в его понимании эти лексемы являются полными синонимами, что далеко как от традиций русской культуры, так и от позиции автора романа. Шлёцер и вовсе опускает третий лексический повтор. Дерели не переводит лексему «бесенята», разрушая сочетание «бесы и бесенята», благодаря которому Степан Трофимович выражает причастие представителей двух поколений – отцов и детей – к распространяющемуся бесовству. Шлёцер и Гертик передают его при помощи прилагательных («*démons grands et petits*» и «*grands et petits démons*» – «большие и маленькие бесы»), а Маркович – через лексему «*démonillons*» (демонята, бесенята). Все переводчики выбрали один и тот же эквивалент для передачи на французский язык слова «бесноватый» (*démoniaque*). Так, смысловые оттенки концепта «бесовство», выраженные с помощью его ключевых ядерных репрезентантов, во всех французских переводах имеют различную степень репрезентации.

В качестве французского эквивалента причастия «взбесившийся» Дерели и Шлёцер выбирают слово «*furieux*» (яростный / неистовый / разъярённый / бешеный), передавая тем самым лишь составляющую его значения, относящуюся к эмоциональному состоянию, но не отсылающую иностранного читателя к понятию бесовства как распространившейся в колоссальных масштабах социальной болезни, поразившей большую часть персонажей в романе и повлекшей за собой их нравственное разрушение. Кроме того, Шлёцер опускает прилагательное «безумный», смягчая характеристику, которую даёт Степан Трофимович всем причастным к распространяющемуся хаосу персонажам, в том числе, и себе. В результате этой трансформации переводчик нивелирует в данном контексте признак *безумие*. Гертик использует лексему «*enragé*» (помешанный / душевнобольной / сумасшедший), которая воспроизводит этот признак, но, как и в предыдущем случае, не формирует аллюзию на евангельскую притчу. Маркович выбрал слово «*possédé*» (одержимый), имеющее

семантику зависимости от бесовских сил.

По-разному подошли переводчики и к передаче на французский язык признаков концепта, передаваемых лексемами-репрезентантами, входящими в его ближнюю периферию (*больной, свиньи, язвы, миазмы, нечистота, мерзость, безумие*). Дерели, вероятно, путает слова «яды» и «язвы» и использует лексему «*poisons*» (яды / отравы) для перевода репрезентанта концепта «бесовство» – слова «язвы», разрушая значение оригинального текста.

Немаловажную роль для воспроизведения концепта «бесовство» в этом фрагменте играет и внимание переводчиков к синтаксическому рисунку монолога героя. Речь Степана Трофимовича лихорадочна и нелогична, а значит, идёт «от сердца», искренно. Высказывая мысль о происходящем в России после поразившего его открытия, герой бросает фразы незаконченными: «Это мы, мы и те, и Петруша... et les autres avec lui», допускает многочисленные повторы: *больной, все, наш, великий, за века, мы*. В речи Верховенского встречается и семантический плеоназм: *первый, во главе*. Эти особенности речи персонажа, а также интонационный рисунок русского текста сохранил лишь Маркович, в то время как другие переводчики опустили дублирующиеся слова и изменили интонацию предложений. Так, во французских переводах этого фрагмента из-за использованных трансформаций на синтаксическом уровне происходит ослабление признаков *болезнь* и *сумасшествие*.

О внимательном отношении Гертик и Марковича к тексту перевода свидетельствует и тот факт, что они выделяют курсивом те фразы, которое Степан Трофимович произносит на французском языке, что позволяет им донести до французского читателя особенности речи героя, отражающие его сущность: увлечённость либеральными идеями и преклонение перед западом, которые и повлекли за собой назревание кризиса в российском обществе [Тарасов, 2004, с. 532].

В переводе Шлёцера смягчается такой признак концепта «бесовство», как *безумие*, в переводе Дерели снижается аксиологическое значение признака *болезнь*. Дерели, Шлёцер и Гертик выбирают французские эквиваленты для перевода ключевых

репрезентантов концепта, которые способствуют большей степени актуализации семантики психического состояния, но нивелируют аллюзии на евангельский сюжет.

При анализе других фрагментов, актуализирующих концепт «бесовство» в речи персонажей, в переводах также обнаружены различия в способе и характере воспроизведения признаков концепта в выбранных фрагментах. Частичное или полное разрушение аксиологического содержания, актуализированного в тексте оригинала, не редко обусловлено выбором переводчиками асимметричных французских лексем для передачи его ядерных репрезентантов. Наиболее часто трансформация аксиологического наполнения концепта происходит в экспозиции романа и в начале непосредственного развития романских событий. Здесь особого внимания заслуживает перевод лексемы «взбесившийся», которая характеризует болезненное и необъяснимое состояние Ставрогина после того, как он вцепился в ухо бывшего губернатора [Достоевский, 1974, т. X, с. 43]. Она тонко указывает на некую пока ещё не раскрытую в полной мере читателю трагедию главного героя. Так, Дерели, Шлёцер и Гертик переводят её с помощью слова «enragé» («бешеный») [Dostoïevski, 1886, Т. I, с. 495; Dostoïevski, 2016, с. 441-442; Dostoïevski, 2014, с. 84], доминирующим смыслом которого является состояние ярости, но не беснования [Ганшина, 1977, с. 315]. Подобное разрушение аксиологического содержания картины заметно и при передаче состояния Лизы, обусловленного её ревностью к Ставрогину (*furieuse* – яростная [Dostoïevski, 1886, Т. I, с. 79], *en colère* – в гневе [Dostoïevski, 2016, с. 120], *folle* – сумасшедшая [Dostoïevski, 1995, Ч. I, с. 114]). В представленных переводах нивелируется указание на поведение девушки как проявление захлестнувшей все слои общества нравственной болезни. Из-за этого возможность восприятия природы бесовства остаётся для французских читателей недоступной. Очевидно, что из всех переводчиков только Маркович стремится передать разницу между такими репрезентантами концепта как «демон» и «чёрт», для чего он выбирает различные французские лексемы (*démon*, *diable*).

С наименьшими потерями переводчикам удалось передать такие признаки концепта, как *гордость*, *логика*, *отношение к вере* и

уныние, которые раскрывают часть причин личного беснования Ставрогина, его нравственное угасание и духовную гибель. Большую трудность представила задача воспроизвести признаки *болезнь, сумасшествие, ничтожность, неверие и смех (насмешка)*, определяющие бесовство как социальную болезнь. Это, безусловно, сказалось на понимании французскими читателями идеи романа. Полноценному осмыслению причин трагедии Ставрогина препятствует восприятие французами сущности такого явления, как «бесовство», и его социально-нравственного аспекта, что обусловлено особенностями французской культуры, проявившимися на языковом уровне в отсутствии смыслового соответствия русской лексемы «бес».

На полноту воспроизведения концепта «бесовство» во французских переводах влияет не только внимание переводчиков к передаче аксиологического содержания оригинала, выраженного с помощью ядерных лексем-репрезентантов, но и их работа с синтаксическим рисунком фраз, в которых вербализуется концепт, их стилистическим оформлением и интонационным рисунком («О, какой мой демон!» [Достоевский, 1974, Т. X, с. 231], «*Mon démon ?*») («Мой демон/бес?» [Dostoïevski, 2016, с. 437]; «...я вам серьезно и нагло скажу: я верую в беса, верую канонически» [Достоевский, 1974, Т. XI, с. 10], «...*je vous dirai sérieusement, avec imprudence : oui, je crois au diable. Je crois canoniquement;* (я вам сказал бы серьёзно, с неосторожностью / неблагоприятием: да, я верю в чёрта / дьявола / беса. Я верю канонически») [Dostoïevski, 2016, с. 969]).

Степень воспроизведения концепта «бесовство» в разновременных переводах романа «Бесы» на французский язык зависит от эпохи, в которую они были созданы. Так, Дерели допускает существенное количество трансформаций на лексическом и семантическом уровнях. Переводы Шлёцера и Гертик представляют собой переходный этап в развитии художественного перевода, который отмечен более высокой степенью внимания переводчиков к особенностям оригинального текста. Когда же начал свою деятельность Маркович, во Франции стало принято уделять больше внимания идиостилю писателей, а развитие разговорного регистра французского языка [Sauvageot, 1962, с. 4-15] открыло

переводчикам больше возможностей для передачи особенностей исходного текста.

Так, воспроизведение концепта «бесовство» в разновременных переводах романа Ф.М. Достоевского «Бесы» обуславливается различиями русской и французской культур. Будучи одним из фундаментальных концептов в картине мира носителей русского языка, он отсутствует во французской языковой культуре. Данный факт существенно осложняет работу французских переводчиков, которые зачастую не способны распознать комплекс аксиологических доминант, формирующих концепт «бесовство», в силу принадлежности к другой культуре. Трансформация определённых авторских смысловых ударений, важных для формирования идей романа, объясняется концептуальной асимметрией, которая неминуемо влечёт за собой ассиметрию языковую, что представляет проблему и для русских переводчиков французской литературы. Так, зачастую во французском языке отсутствуют средства, позволяющие воспроизвести культурные доминанты, формирующие концепт «бесовство», а также особенности идиостиля Достоевского, с помощью которых он вербализуется в романе. Кроме этого, передача переводчиками концепта осложняется различиями в национальном культурном осмыслении признаков, формирующих концепт. Представители двух этих культур по-разному воспринимают значение веры и неверия в духовной жизни как отдельной личности, так и нации в целом [Мчедлова, 2012, с. 131]. Характер этих различий оказал влияние на особенности рецепции романа Ф.М. Достоевского «Бесы» во французской культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – Москва: Советский писатель, 1963. – 363 с.

Булгакова, Н. О. Рецепция романа Ф.М. Достоевского «Бесы» во французской культуре: о переводе названия произведения / Н.О. Булгакова // Достоевский и современность. Материалы XXXI Международных Старорусских чтений 2016 года / отв. редактор С.Л.

Шараков / Новгородский музей-заповедник. – Великий Новгород, 2017. – С. 21-31.

Власов, С.В. Братья Карамазовы на французском языке / С.В. Власов // Романский коллегийум. Выпуск 6, посвященный памяти И.В. Лукьянец. Французские пассажи Ф.М. Достоевского. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2014. – С. 132-155.

Ганшина, К. А. Французско-русский словарь. 51000 слов. Изд. седьмое, стереотипное / К.А. Ганшина. – Москва: Русский язык, 1977. – 911 с.

Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Т. 10 / Ф.М. Достоевский. – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1974. – 519 с.

Костикова, О. И. Достоевский во Франции: век перевода / О.И. Костикова // Вестник Московского университета. – Серия 19. – Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 4. – С. 135-142.

Костикова, О. И. Отражение динамики языка во французских переводах Достоевского / О.И. Костикова // Язык, культура и межкультурная коммуникация. Межвузовский сборник статей под ред. Н.К. Гарбовского. – Москва: Изд-во Московского университета, 2001. – С. 80-85.

Маркович, А. Заметки французского переводчика Достоевского / А. Маркович // Достоевский: Материалы и исследования. – Санкт-Петербург: Д. Буланин, 1996. – С. 254-259.

Мчедлова, М. М. Религиозность российских граждан и русская мечта / М.М. Мчедлова // О чём мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад. – Москва: Институт социологии РАН, 2012. – С. 130-139.

Тарасов, Б. Н. Вечное предостережение / Б.Н. Тарасов // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в XVIII т. – Т. IX. Роман «Бесы» (1871-1872). – Москва: Воскресенье, 2004. – С. 525-543.

Щерба, Л. В. Русско-французский словарь / Л.В. Щерба, М.И. Матусевич, М.Ф. Дусс. – Москва: Государственный институт «Советская энциклопедия» ОГИЗ РСФСР, 1936. – 791 с.

Backès, J.-L. Dostoïevski en France (1884-1930). Thèse de doctorat d'Etat. Dactylographiée. – Paris: Paris-Sorbonne, 1972.

Bakès, J.-L. Le Diable dans les romans de Dostoïevsky // Centre culturel international de Cerisy-la-Salle, 24 juillet-3 août 1964. Entretiens sur l'homme et le diable, sous la direction de Max Milner, avec la collaboration de Catherine et Jean-Louis Backès, Janine Bertier, Gaston Ferdière... [etc.]. – Paris: La Haye : Mouton et Cie, 1965. – P. 299-307.

Boyer, F. Comprendre et compatir : lectures de Dostoïevski. – Paris: POL, 1993. – 173 p.

Dostoïevskij, Th. Les possédés (Bési). Traduit du russe par Victor Derély – Paris: E. Plon, Nourrit, 1886.

Dostoïevski, F. Les Démons (Les Possédés). Préface de Marthe Robert. Traduction de et notes de Boris Schloëzer. – Paris: Gallimard, 2016. – 800 p.

Dostoïevski, F. Les Démons (Les Possédés). Traduction d'Élisabeth Guertik ; revue par Jean-Louis Backès. – Paris: Le Livre de poche, 2014. – 892 p.

Dostoïevski, F. Les démons: roman en trois parties; traduits du russe par André Markowicz. – Paris: Acte Sud, 1995.

Kurt, S. Les traducteurs face au style indirect libre (français-russe, russe-français) // Revue des études slaves, V. 74, N. 2, 2002. – P. 493-504.

Poulin, I. Langues brisées et sujets en miettes. Pourquoi lire Sappho ou Dostoïevski en traduction ? // Sens de la langue, sens du langage : poésie, grammaire, traduction. V. 32. – Pessac, 2011. – P. 179-189.

Sauvageot, A. La Langue vivante. Français écrit, français parlé. – Paris: Larousse (Montrouge, impr. Larousse), 1962. – 236 p.

REFERENCES:

Bahtin, M.M. Problemyi poetiki Dostoïevskogo. – Moskva: Sovetskij pisatel, 1963. – 363 s.

Bulgakova, N.O. Retseptsiya romana F.M. Dostoïevskogo «Besyi» vo frantsuzskoy kulture: o perevode nazvaniya proizvedeniya // Dostoïevskiy i sovremennost. Materialy HHHI Mezhdunarodnyih

Starorusskikh chteniy 2016 goda / otv. redaktor S.L. Sharakov / Novgorodskiy muzey-zapovednik. – Velikiy Novgorod, 2017. – S. 21-31.

Vlasov, C.V. Bratya Karamazovi na frantsuzskom yazyike // Romanskiy kollegium. Vyipusk 6, posvyaschennyiy pamyati I.V. Lukyanets. Frantsuzskie passazhi F.M. Dostoevskogo. – Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peteburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta, 2014. – S. 132-155.

Ganshina, K.A. Frantsuzsko-russkiy slovar. 51000 slov. Izd. sedmoe, stereotipnoe. – Moskva: Russkiy yazyik, 1977. – 911 s.

Dostoevskiy, F.M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t. – Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1974. – 519 s.

Kostikova, O.I. Dostoevskiy vo Frantsii: vek perevoda // Vestnik Moskovskogo universiteta. – Seriya 19. – Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya. – # 4. – 2001. – S. 135-142.

Kostikova, O.I. Otrazhenie dinamiki yazyika vo frantsuzskikh perevodakh Dostoevskogo // Yazyik, kultura i mezhkulturnaya kommunikatsiya. Mezhvuzovskiy sbornik statey pod red. N.K. Garbovskogo. – Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 2001. – S. 80–85.

Markovich, A. Zametki frantsuzskogo perevodchika Dostoevskogo /A. Markovich// Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya. – Sankt-Peterburg: D. Bulanin, 1996.

Mchedlova, M.M. Religioznost rossiyskikh grazhdan i russkaya mehta // O chYom mechtayut rossiyanе (razmyishleniya sotsiologov). Analiticheskiy doklad. – Moskva: Institut sotsiologii RAN, 2012. – S. 130-139.

Tarasov, B.N. Vechnoe predosterezhenie // Dostoevskiy F.M. Polnoe sobranie sochineniy: v 18 t. – T. 9. Roman «Besyi» (1871-1872). – Moskva: Voskresene, 2004. – S. 525-543.

Scherba, L.V., Matusevich, M.I., Duss, M.F. Russko-frantsuzskiy slovar. – Moskva: Gosudarstvenniy institut «Sovetskaya entsiklopediya» OGIZ RSFSR, 1936. – 791 s.

Backès, J.-L. Dostoievski en France (1884-1930). Thèse de doctorat d'Etat. Dactylographiée. – Paris: Paris-Sorbonne, 1972.

Bakès, J.-L. Le Diable dans les romans de Dostoïevsky // Centre culturel international de Cerisy-la-Salle, 24 juillet-3 août 1964. Entretiens sur l'homme et le diable, sous la direction de Max Milner, avec la

collaboration de Catherine et Jean-Louis Backes, Janine Bertier, Gaston Ferdière... [etc.]. – Paris: La Haye : Mouton et Cie, 1965. – P. 299-307.

Boyer, F. Comprendre et compatir : lectures de Dostoïevski. – Paris: POL, 1993. – 173 p.

Dostoïevskij, Th. Les possédés (Bési). Traduit du russe par Victor Derély – Paris: E. Plon, Nourrit, 1886.

Dostoïevski, F. Les Démons (Les Possédés). Préface de Marthe Robert. Traduction de et notes de Boris Schlœzer. – Paris: Gallimard, 2016. – 800 p.

Dostoïevski, F. Les Démons (Les Possédés). Traduction d'Élisabeth Guertik ; revue par Jean-Louis Backès. – Paris: Le Livre de poche, 2014. – 892 p.

Dostoïevski, F. Les démons: roman en trois partie; traduits du russe par André Markowicz. – Paris: Acte Sud, 1995.

Kurt, S. Les traducteurs face au style indirect libre (français-russe, russe-français) // Revue des études slaves, V. 74, N. 2, 2002. – P. 493-504.

Poulin, I. Langues brisées et sujets en miettes. Pourquoi lire Sappho ou Dostoïevski en traduction ? // Sens de la langue, sens du langage : poésie, grammaire, traduction. V. 32. – Pessac, 2011. – P. 179-189.

Sauvageot, A. La Langue vivante. Français écrit, français parlé. – Paris: Larousse (Montrouge, impr. Larousse), 1962. – 236 p.